

ПУТИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1

Пути развития языкознания в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции определялись следующими общественно-историческими факторами:

а) утверждением и развитием в нашей стране нового общественного строя — социалистического;

б) многонациональным составом Советского государства и коренными изменениями в нем положения народов, его образующих, и отношений между ними, а в связи с этим — открытием новых путей для культурного развития этих народов;

в) особой культурной ролью русского языка, как языка мировой по значению русской литературы, культуры и науки. Великая Октябрьская социалистическая революция еще более повысила международное и межнациональное значение русского языка, изучение которого стало кровным делом всех народов Советского Союза и все шире распространяется за рубежом.

Развитие языкознания, определяемое этими факторами, протекало в условиях выработки новых — марксистских — основ научного исследования при воздействии: научного наследия, оставшегося от прежнего времени, и развивавшейся по своим путям зарубежной науки о языке. Без осмысления этих социально-исторических причин и условий нельзя понять ни глубокого своеобразия хода развития советского языкознания, ни особенностей его содержания и его нынешнего состояния.

Рост культуры народов Советского Союза с общими для всех них и национально-специфическими чертами, расцвет отечественной науки, распространение всеобщей грамотности и, в связи с этим, расширение в социалистическом обществе сфер употребления как русского, так и иных национальных письменных литературных языков — все это вызвало напряженную деятельность советских языковедов, направленную на углубленное теоретическое и практическое изучение структуры и закономерностей развития самых разнообразных языков больших и малых народов нашей страны. Перед советскими языковедами возникло множество новых лингвистических задач и проблем огромной важности.

2

В многонациональном составе нашего общества к моменту революции были народности, развитие которых в условиях капиталистического строя не привело их к такому социальному и культурному уровню, который был достигнут русским народом и некоторыми другими народами прежней России. Это касалось особенно малых народностей — обитателей севера европейской части России, а также Сибири и Дальнего Востока — в азиатской части. Среди них было много народностей и этнических групп, не имевших своей письменности. Перед Советской страной сразу же встала задача ликвидации бесписьменности у этих народов. Это было необходимо для организации школ, распространения образования, создания печати на

своем языке, развития своей литературы или для усиления процесса повышения культурного развития этих народностей путем усвоения литературных языков окружающих народов.

Это и было сделано. Письменность, приспособленную к своему языку, получили такие не знавшие до этого своей письменности народности, как тунгусы, гольды, самодийцы и др. При этом одной из характерных особенностей указанного процесса явилось то, что работа по выработке такой письменности была проведена совместно — русскими лингвистами и представителями этих народностей.

Вскоре же после революции среди народов, пользовавшихся арабским письмом, т. е. среди тюрков — татар, азербайджанцев, казахов, киргизов, узбеков, туркмен, каракалпаков и др., среди горских народов Северного Кавказа, а также среди иранцев-таджиков возникло движение за переход на новую систему письма, основанную на европейской графике. Важнейшими причинами, вызвавшими это движение, были:

а) основное требование культурной революции — необходимость ликвидировать неграмотность, распространенную до революции среди данных народов, и трудность достичь этого в максимально короткий срок при сохранении арабского письма с его консонантным характером, делающим запись арабским алфавитом слов языков с другой структурой неточной и излишне сложной;

б) стремление при всемерном расширении светского образования как можно решительнее оторваться от распространенной у тюркских и иранских народов до революции системы духовного образования, с которой арабское письмо воспринималось неразрывно связанным.

Результатом указанного движения был переход народов, пользовавшихся арабским письмом, на новую систему письма, основанную на европейской графике, в первое время — латинской, в дальнейшем — русской. Примеру этих народов последовали и те народности Советского государства, которые пользовались монгольским письмом.

Таким образом, одним из значительнейших достижений советской лингвистики является создание письменностей почти для 50 языков народов Советского Союза. Многие из этих языков до Великой Октябрьской социалистической революции были бесписьменными (лезгинский, табасаранский, даргинский, абхазский, адыгейский, чукотский, нанайский, коми, хантыйский и мн. др.). Другие языки имели только зачатки письменности. Создана письменность также для ряда языков со старой письменной традицией, графика которых (арабское письмо) не отражала их фонетических особенностей (азербайджанский, узбекский, татарский, таджикский и др.).

Работа по созданию письменности для бесписьменных народов и по выработке новой системы письма для народов, пользовавшихся арабским и монгольским письмом, по необходимости сопровождалась тщательным изучением фонетической системы этих языков, что имело своим результатом самое широкое развитие в нашем языкознании фонетики. Успешность такого развития была обусловлена как введением в орбиту исследования нового обширного материала, так и высоким состоянием в нашей стране фонетической науки, особенно в школе И. А. Бодуэна де Куртене, представленной Л. В. Щербой и его многочисленными учениками (проф. Е. Д. Поливановым, проф. Г. С. Ахвледиани, акад. А. П. Баранниковым, проф. Б. А. Лариним, проф. С. И. Бернштейном и др.). В этой школе были соединены метод аналитический, приводивший к раскрытию всей гаммы произносительно-слуховых элементов языка, и метод синтетический, приводивший к обнаружению или открытию в этой гамме устойчивых, конструктивных социально-значимых звуковых единиц языка — фонем.

Такое направление привело к особому развитию у нас фонологии, перекинувшейся в дальнейшем, особенно под влиянием работ проф. Н. С. Трубецкого, за пределы нашей страны и превратившейся в одну из наиболее мощных отраслей мировой науки о языке. Необходимо также учитывать, что упомянутая работа по установлению письма для бесписьменных народов и по выработке новой системы письма для народов, пользовавшихся арабским и монгольским письмом, также представляла собою ту же фонологию. — фонологию в действии. В этой связи нельзя не отметить также значительной роли проф. Н. Ф. Яковлева и проф. Л. И. Жиркова в разработке общих и конкретных проблем фонологии, особенно применительно к звуковым системам языков Кавказа.

С быстрым развитием фонологической теории связаны и практические успехи в деле создания алфавитов, ярко обозначившиеся уже в 20—30-е годы. Исследование Н. Ф. Яковлева «Математическая формула построения алфавита» открыло новый период в развитии у нас фонологии, освободив эту дисциплину от психологизма Бодуэна де Куртенэ и его школы. За Н. Ф. Яковлевым пошли другие московские фонологи (Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский). В области фонологии обозначились, правда, пока еще не всегда достаточно резко и определенно, различия между несколькими научными направлениями (сер., например, труды по фонологии проф. Л. Р. Зиндера, проф. С. И. Бернштейна и доц. М. И. Матусевич, с одной стороны, проф. А. И. Смирницкого, с другой, и проф. Г. С. Ахвледиани, с третьей и т. д.).

3

Переход на новую систему письма потребовал от языковедов длительных и сложных усилий по разработке общих приемов передачи на письме звуковой речи и по выработке общезначимых и практически удобных орфографических норм этой передачи. Такая работа естественно слилась с новым изучением слова в разнообразных языках — его границ, его отношения к другим единицам языка, его структурных качеств; последнее привело к широкому изучению словообразовательных элементов.

Развитие школьного и внешкольного образования, сопровождающегося развитием надлежащих представлений о своем языке у огромного числа людей, до того не соприкасавшихся с языкознанием даже в его школьном выражении, повлекло за собою усиленное изучение грамматического строя языков народов Советского Союза. Эта работа дала свои результаты: в настоящее время все народы нашей страны имеют свои собственные школьные грамматики как для общеобразовательной школы, так и для педагогических учебных заведений; советское языкознание имеет научные грамматики также почти всех языков народов Советского Союза. Для многих из этих языков впервые были созданы подробные научные грамматики (например, для башкирского, кумыкского, карачаекаского, аварского, лезгинского, абазинского, коми и др.). Особенно следует отметить появление научных грамматик таких мало изученных языков, как палеоазиатские, тунгусо-маньчжурские, финно-угорские, горские языки Кавказа. За последние семь лет только Институтом языкознания АН СССР составлено более 40 научных грамматик по более чем 30 языкам народов Советского Союза.

Создание грамматик языков народов Советского Союза во многих случаях было осложнено необходимостью предварительно решать вопрос о языковой норме для данного языка, т. е. о выборе диалекта, который лег или мог бы лечь в основу литературного языка. В связи с этим большое развитие получили диалектологические исследования, затронувшие огромное число диалектов и говоров, ранее не входивших в орбиту научного

внимания. С другой стороны, во всем своем общественном и научном значении встал специфический для советского языкознания вопрос о языке нации как исторической категории.

Вопрос о языковой норме, решение которого требовалось для создания грамматик, не сводился, однако, только к определению диалекта, который по своей социальной значимости и диапазону действия естественно становился основой языка нации; установление языковой нормы связано и с вопросом о литературном языке, в некоторых случаях — весьма сложным. На этой почве и возникла специальная отрасль советского языкознания — изучение языковой и исторической природы явления, получившего наименование «литературный язык». Инициатива в развитии практики и теории изучения литературного языка в его истории принадлежала специалистам по русскому языку.

Наличие значительного русского населения во всех национальных республиках Советского Союза при необходимости и для этого населения знать язык коренного населения данной республики привело к созданию грамматик этих языков для русских. В то же время значение русского языка, вызвавшее необходимость знания его населением каждой национальной республики и автономной области, привело к осознанию важности создания грамматик русского языка специально для нерусских народов нашей страны. Сопоставительное изучение различных языков возникло из чисто практических потребностей преподавания, но рост такого изучения показал его научную плодотворность, так что в настоящее время сопоставительное изучение имеет все данные для превращения в одну из важных отраслей лингвистики, объектом которой является не только лингвистическая типология, но и общая проблема строя языка.

4

Наряду с работой по созданию грамматик языков различных народов Советского Союза у нас после Великой Октябрьской социалистической революции широко развернулась работа по составлению словарей.

В первое время составлялись почти исключительно двуязычные словари, где одним из языков был русский. В настоящее время такие словари имеются по языкам почти всех народов Советского Союза, причем — в обоих вариантах: с переводом на русский язык и с переводом с русского языка.

Помимо словарей языков различных народов нашей страны в минувшие десятилетия появилось большое число переводных словарей других языков, в том числе — словари различных восточных языков: арабского, турецкого, персидского, афганского, хинди, китайского, монгольского, корейского, японского. Многие словари этих языков существуют в двух видах — с переводом на русский язык и с переводом на восточный язык. По некоторым языкам имеются различные типы словарей: полные, средние и краткие. Эти словари, выполненные Издательством национальных и иностранных словарей (в некоторых случаях совместно с Институтом востоковедения Академии наук), представляют одно из крупнейших достижений советского языкознания.

В дальнейшем стали создаваться толковые словари национальных языков, и сейчас уже многие из народов нашей страны (например, грузины, армяне, литовцы и др.) имеют достаточно полные словари своих языков. И в этой лингвистической сфере руководящая или инструктивная роль принадлежала русской лексикографической теории и практике, принципы и приемы которой складывались, развивались и продолжают развиваться в процессе подготовки толковых словарей русского языка (разного типа).

Работа по составлению словарей имела двойное значение.

В ряде случаев двуязычный словарь, где первым языком был язык данного народа, является вообще первым словарем этого языка. Поэтому созданию такого словаря по необходимости должна была предшествовать работа по собиранию лексики, причем в некоторых случаях — главным образом на основе материалов живой, устной речи. В значительной мере так был составлен, например, киргизско-русский словарь К. К. Юдахина. Тем самым подобные словари в сущности впервые обрисовывали действующий словарный состав данного языка. Это обстоятельство придало лексикографической работе особое значение: толковые словари раскрывали словарный состав данного языка — с учетом всей специфики значений. Таким образом, лексикографическая работа соединилась с лексикологической, и дальнейшие лексикологические исследования по таким языкам оказались уже обеспеченными большим и надежным материалом.

Двуязычные словари, в которых вторым или первым языком был русский, имели, помимо своего непосредственного значения, и другое: они представили лексический состав в сопоставлении. Тем самым для лексикологии открылся обширный и разнообразный материал для изучения одного из важнейших явлений, возникающих при сопоставлении языков: проникновения лексики одного языка в лексику другого. Это явление имеет особое значение в условиях теснейшего соприкосновения языков различных национальностей Советского Союза с языком русским. Двуязычные словари наглядно показывают области проникновения, позволяют видеть границы этого явления, понять его общественно-исторические условия и вообще оценить существо проблемы так называемой проникаемости разных сторон системы языка. Чрезвычайно показательным с этой стороны является, например, русско-каракалпакский словарь.

Лексика, собранная в словарях языков различных национальностей Советского Союза, особенно тех народов, среди которых до Октябрьской революции образование и наука были распространены крайне ограничено, открыла перед исследователями-лексикологами чрезвычайную остроту вопроса о росте словарного состава этих языков, о путях и способах этого роста. Явно обнаружилось две тенденции: во-первых, заимствование чужого (в данном случае главным образом русского) слова; во-вторых, создание своего, в последнем случае — как на основе собственного корневого фонда и по своим словообразовательным моделям, так и на основе корней другого языка, в течение долгого времени игравшего для данного языка роль классического литературного языка. Таким языком был, например, для тюркских и иранских народов Советского Союза классический арабский язык, служащий и до сих пор у некоторых тюркских и иранских народов за рубежом нашей страны основой для создания современной экономической, социальной, политической, философской и научной терминологии.

Протекавшая в течение долгого времени в тюркоязычных республиках Советского Союза дискуссия по вопросу о путях пополнения лексики показала связь этого вопроса с общими проблемами идеологии и даже с направлениями текущей политики.

Общественно-политическое значение русского языка как языка русского народа, языка великой революции; культурное значение этого языка как языка великой литературы, развитой науки; разветвленное и связанное с давней славистической традицией всестороннее изучение этого языка, высокая научная разработанность вопросов его строя, его

истории — все это обусловило крупнейшую роль науки о русском языке в научном изучении языков других народов Советского Союза.

Научно-исследовательская работа в области русского языка в советскую эпоху приобрела особенно широкий размах. Советские языковеды внесли свой вклад в борьбу за развитие культуры устной и письменной русской речи. Вскоре после победы Великой Октябрьской социалистической революции была проделана огромная работа по внедрению новой орфографии, что сыграло положительную роль в развитии грамотности среди широких народных масс. В 1956 г. были утверждены уточненные и унифицированные «Правила русской орфографии и пунктуации», вышел в свет приспособленный к этим правилам справочный «Орфографический словарь русского языка». Издан также словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение».

В послереволюционные годы сложилась новая лингвистическая дисциплина — история русского литературного языка, синтезирующая данные исторической грамматики и исторической лексикологии, диалектологии, истории литературы и устанавливающая закономерности литературно-языкового развития в связи с общими закономерностями исторического процесса. В досоветскую эпоху конкретные работы по истории русского литературного языка были единичны, а общие очерки, если выходили за пределы описания звукового и морфологического строя, представляли случайный набор языковых фактов (ср. «Очерк истории русского литературного языка» проф. Е. Ф. Будде). Почин в систематической разработке этой новой дисциплины принадлежит трудам акад. В. В. Виноградова, акад. С. П. Обнорского, акад. АН УССР Л. А. Булаховского, проф. Л. П. Якубинского, проф. Г. О. Винокура и других ученых.

Создана двухтомная Академическая грамматика современного русского языка, дающая наиболее полный охват фактического материала и обобщающая достижения русской грамматической науки послереволюционного периода. В многочисленных монографиях, диссертационных работах, статьях получили освещение разнообразные частные вопросы морфологии, синтаксиса и словообразования русского литературного языка в его историческом развитии.

Впервые в истории русской филологии подготовлен и издается большой Академический словарь языка А. С. Пушкина — основоположника нового русского литературного языка. В процессе подготовки словаря Пушкина, а также критического обсуждения первого вышедшего его тома шире раскрылись и теоретические принципы составления такого рода словарей.

Помня завет В. И. Ленина о создании образцовых толковых словарей современного русского языка, советские языковеды развернули большую работу по подготовке словарей разных типов. В последние два десятилетия составлены четырехтомный «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, вышли из печати 5 томов академического 14-томного «Словаря современного русского литературного языка» и 1-й том нового четырехтомного «Словаря русского языка». Создание словарей русского языка сыграло значительную роль в развитии лексикографии национальных языков СССР.

В течение последнего десятилетия сформировалась новая отрасль науки — лингвистическая география. Создается капитальный труд — атлас русских народных говоров. В обследовании говоров участвуют многочисленные вузы страны. Советскими русистами в значительной мере уже осуществлена продолжающаяся и в настоящее время огромная работа по собиранию диалектологических данных. В практике работы над диа-

лектологических атласами русского языка оформились не только основные теоретические положения лингвистической географии русского языка¹, но также и методика собирания материалов для атласа путем непосредственных наблюдений².

Разработаны принципы и методика составления карт атласа, а также подготовлены к печати статьи о типах карт по фонетике, морфологии, лексике, и, главное, в ближайшее время выходит в свет «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». В этом атласе на основе определенных данных решается вопрос о возможности составления не только карт-монографий (отражающих целостные, нередко весьма сложные языковые явления), но наряду с этим и карт, устанавливающих границы распространения изолированных фактов, и карт, посвященных частным явлениям на фоне языковой системы в целом.

В настоящее время на картах четырех атласов русского языка запечатлены данные говоров на территории таких областей, как Ленинградская, Новгородская, Псковская, Великолукская, Калининская, Смоленская, Калужская, Московская, Владимирская, Горьковская, Рязанская, Брянская, Орловская, Курская, Белгородская. Тем самым собран и обработан методами лингвистической географии материал, относящийся к говорам на территории древнейшего расселения восточных славян, где формировалась великорусская народность. В связи с этим открывается возможность приступить к созданию коллективной монографии, посвященной истории формирования отдельных групп говоров, а также разработать заново ряд вопросов исторической фонетики и исторической грамматики русского языка. Процессы поздней истории некоторых языковых явлений впервые представляется возможным проследить по основным диалектным группам русского языка. Работа по составлению атласов создает также необходимую основу для построения новой, дифференцированной и более соответствующей историческим фактам классификации русских народных говоров.

6

Тесная связь теории с практикой, составляющая одну из основных черт советской науки, сказалась и на развитии тех областей русского языкознания, которые соприкасаются с литературоведением. Острое внимание к вопросам литературного языка и стиля, характерное для советской литературы первых лет после гражданской войны, способствовало появлению ценных исследований в области поэтического языка. В этот период закладываются основы не только теории и истории литературного языка, но и лингвистической стилистики.

Стремительный рост духовной культуры, выражаясь в изменениях языка, порождает вместе с тем обостренную требовательность и интерес к слову, к произведениям литературного творчества. В эпоху полного обновления жизни общественная роль филологии как науки о языке и литературе, о словесной культуре, а также как метода истолкования литературных произведений становится особенно глубокой и influential.

В советской филологии ярко освещаются такие области исследования, которые до тех пор пребывали если не во мраке, то в некотором тумане.

¹ См. вступительные статьи к «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» и ряд статей, опубликованных по этой проблеме, особенно в журнале «Вопросы языкознания».

² См. «Методические указания к „Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка“», отв. ред. Р. И. Аванесов и В. Г. Орлова, М., 1957.

Понимание и толкование литературного текста — основа филологии и вместе с тем основа исследования духовной, а отчасти и материальной культуры. Путь к достижению полного и адекватного осмысления литературного произведения указывается и определяется тремя родственными филологическими дисциплинами: историей, языкознанием и литературоведением, их гармоническим взаимодействием. Именно на почве этого взаимодействия в советский период укореняется и быстро вырастает новая отрасль русской филологии — история русского литературного языка. Известно, что история русского литературного языка, особенно нового периода, строится преимущественно на материалах языка произведений крупнейших русских писателей. Это естественно. В. И. Ленин определял строй и состав образцового словаря русского языка, как ведами, именами великих русских писателей: Пушкина и Горького.

История русского литературного языка, будучи, по слову акад. А. А. Шахматова, «историей развития русского просвещения», неразрывно связана с историей русской общественной мысли, с историей русской науки, с историей русского словесного искусства.

В изучении языка писателя ближайшим образом заинтересовано и литературоведение. Творчество писателя, его авторская личность, его герои, темы, идеи и образы воплощены в его языке и только в нем и через него могут быть постигнуты. Исследование стиля, поэтики писателя, его мировоззрения невозможно без основательного, тонкого знания его языка. Самый текст сочинений писателя может быть установлен и прочитан правильно только тем, кто хорошо знает или глубоко изучил язык этого писателя.

Русское языкознание досоветского периода было небогато достижениями в области изучения языка писателя, особенно по отношению к XVIII—XIX вв. Даже в тех случаях, когда история русского литературного языка отождествлялась с историей языка крупнейших писателей, выбор иллюстраций из языка отдельных писателей был случаен. Отсутствовало представление о национально-литературной норме, о закономерностях культурно-общественного развития в истории языка, о стилистической дифференциации литературно-языковых явлений. На методике изучения языка писателя отразились и своеобразия господства младограмматического направления в области лингвистики. В академической науке этого периода диалектологические интересы почти совсем оттеснили и парализовали влечение к исследованию русского литературного языка в его современном состоянии и в его истории, в его взаимодействиях с языком русской художественной литературы.

Связь между наукой о литературном языке и теорией и практикой литературно-художественного творчества, такая тесная и органическая во времена Белинского, Добролюбова и Чернышевского, связь, поддерживавшаяся и в трудах акад. Я. К. Грота, Ф. И. Буслаева и А. А. Потебни, в начале текущего столетия оказалась почти порванной.

За последние сорок лет положение на данном участке науки резко изменилось. При этом технические достижения дореволюционной филологической науки, озаренные светом марксистско-ленинской методологии, получили новое функциональное обоснование и применение, новую семантическую направленность (ср., например, филологические исследования акад. В. Ф. Шинмарева и многих других советских лингвистов). Путь, пройденный советской филологической наукой за сорок лет в поисках решения основных проблем исследования языка писателя, — путь сложный и трудный, но победоносный, богатый результатами и достижениями.

Наука о русском литературном языке и в особенности тот раздел ее,

который посвящен изучению языка литературных произведений, языка писателя, в советскую эпоху развивались стремительно и разносторонне. Некоторое движение в этом направлении началось в широких общественных кругах еще до Великой Октябрьской социалистической революции.

В первые десятилетия текущего столетия, по словам акад. Л. В. Щербы, в языковедении оживляется интерес к языку как к «деятельности человека, направленной всякий раз к определенной цели, к наилучшему и наименее удобному выражению своих мыслей и чувств». И «... в обществе, по крайней мере русском, возродился интерес к языку, совершенно... независимо от языковедения. Прежде всего поэты, для которых язык является материалом, стали более или менее сознательно относиться к нему; вслед за ними пошли молодые историки литературы, которые почувствовали невозможность понимания многих литературных явлений без лингвистического подхода; наконец люди сцены, для которых живой произносимый язык является альфой и омегой их искусства, едва ли не более других поспособствовали пробуждению в обществе интереса к языку»¹. Достаточно указать на замечательные высказывания о сценической речи и о языке писателей, принадлежащие великому нашему режиссеру и теоретику театра Станиславскому и его ученикам (Горчакову, Вахтангову, Топоркову, Кедрову, Бирман и др.). Проблема изучения языка писателя вызвала к жизни и исследованию проблему художественной или поэтической речи.

Приемы и принципы работы по стилистике и по изучению языка русских художников слова на протяжении двух последних десятилетий подвергались сильным изменениям. Это вызывалось как общим отходом от одностороннего увлечения проблемой формы, характерного для 20-х годов, так и расширяющимся знакомством с конкретным материалом истории русского литературного языка и языка русской художественной литературы. Выяснилась необходимость глубокого изучения исторических связей и взаимодействий развития литературного языка и языка художественной литературы.

Во всей широте встал вопрос о создании теоретических основ учения об эстетике слова и о поэтической речи на базе философии марксизма-ленинизма.

Таким образом, наряду с историей русского литературного языка и в живом взаимодействии с нею за советский период быстро и плодотворно развивается наука о языке литературных произведений, о стиле писателя. Задача изучения языка писателя состоит именно в том, чтобы определить способы индивидуально-художественного использования народных языковых волн, законы стилистического построения или строя тех новых словесных произведений, которые с помощью этих волн создаются, а также установить общие и национально-специфические закономерности развития словесно-художественного творчества. Вместе с тем дальнейшее развитие науки о языке писателя на основе марксистско-ленинской методологии должно содействовать дальнейшему подъему и расцвету советской языковой культуры.

7

Роль науки о русском языке проявилась и в серьезнейшем изучении русского языка языковедами других национальностей Советского Союза — изучении, приводившем к стремлению раскрыть явления своего языка путем сопоставления их с аналогичными или близкими явлениями русского языка. Это особенно сказалось в разработке грамматик.

¹ Сб. «Русская речь», вып. 1, Пр., 1923, стр. 9—11.

Такая тенденция привела к двум противоположным результатам: а) к действительному раскрытию природы многих грамматических явлений различных языков — в тех случаях, когда сопоставляемые явления данного языка и языка русского по своей грамматической природе или по своим функциям действительно оказывались аналогичными или во всяком случае очень близкими, соотносительными;

б) к отходу от понимания подлинной природы некоторых грамматических явлений этих языков — в тех случаях, когда предполагаемая аналогичность или близость — принципиальная или функциональная — явлений двух языков оказалась необоснованной или искусственной.

Сопоставление грамматического строя русского языка — языка определенной структуры — с грамматическим строем других языков — языков иной структуры — привело к оживлению внимания исследователей этих языков к исконной грамматической традиции, сложившейся в истории языкознания у этих народов в прошлом. Внимание к указанной традиции приводит к восстановлению ряда оценок, характерных для традиции, и — в связи с этим — к действительно адекватному раскрытию природы многих языковых явлений, характерных для данных языков.

Одной из ступеней на этом пути была существовавшая одно время в советском языкознании тенденция к изучению явлений «схождения» и «расхождения» между языками. Изучение языков в таком плане, особенно при влиянии ложных, унифицирующих и искажающих специфические отличия национальных языков предпосылок «теории Н. Я. Марра», конечно, тогда могло привести и действительно привело лишь к крайне ограниченным и неполноценным результатам, почему эта тенденция и не получила развития; но она сослужила свою службу на подступах к изучению строя языка как специфической системы с учетом исторически сложившейся в рамках этой системы грамматической традиции. В настоящее время стремление учитывать традицию старой арабской филологии наблюдается в некоторых грамматиках тюркских языков, создаваемых лингвистами тюркоязычных республик Советского Союза.

Так перед советским языкознанием в области грамматической науки встала задача, прямо противоположная идее универсальной философско-логической грамматики старого типа: задача раскрытия грамматического строя языков разных структур строго в рамках этих структур в соответствии со спецификой каждой структуры. Такой путь может создать действительно прочную основу для выяснения и установления общеязыковых закономерностей, в частности — для выяснения так называемых внутренних законов развития языка — их природы, сферы и границ их действия, их исторической судьбы.

8

Советскими востоковедами много было сделано в 20-х годах для сравнительно-исторического языкознания (ср. работы акад. А. Н. Самойловича, проф. Н. К. Дмитриева, акад. В. А. Гордлевского и проф. С. Е. Малова по тюркским языкам, основополагающие исследования акад. Б. Я. Владимирова по сравнительной грамматике монгольских языков и т. п.). В первые десятилетия после Великой Октябрьской социалистической революции продолжали успешно развиваться те области славистики, которые имели длительную и славную традицию, связанную с русской школой сравнительно-исторического языкознания (ср. труды А. М. Селищева, Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинского и многих других советских лингвистов). Увлечение идеями скрещивания языков, наблюдающееся в работах ряда советских лингвистов (Л. В. Щербы, Е. Д. Поливанова и др.), в этот период не препятствовало развитию сравнительного языкознания, а способствовало

более глубокому изучению проблемы языкового родства с точки зрения социологического языкознания (ср. взгляды на родство языков у Н. С. Трубецкого и В. Пизани). В последующий период развитие сравнительного языкознания было в значительной степени приостановлено. Однако и в 40-е годы отдельные интересные результаты в области сравнительного языкознания встречаются даже в трудах лингвистов марровского направления, использующих сравнительный метод, но широко сочетающих его с исследованием скрепления языков (В. И. Абаев) и с типологическими исследованиями (С. Д. Кацнельсон, А. В. Десницкая). Применение типологических сопоставлений для доказательства сравнительно-исторических гипотез все шире используется за последние десятилетия и в зарубежной науке. Очень любопытна тождественность результатов, полученных независимо друг от друга Э. Бенвенистом и С. Д. Кацнельсоном благодаря сравнительно-историческому и типологическому изучению индоевропейских суффиксов порядковых числительных и суффиксов степеней сравнения. Следует отметить, что актуальность применения типологических сопоставлений в сравнительном языкознании признается большинством современных лингвистов: этому вопросу был посвящен особый доклад на Международном лингвистическом конгрессе в Осло в текущем году.

После лингвистической дискуссии 1950 г., после выхода в свет работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» наметилось некоторое оживление в области сравнительно-исторического исследования родственных языков. Появилось несколько ученых монографий и статей по славянскому сравнительному языкознанию (см. особенно труды акад. АН УССР Л. А. Булаховского по славянской акцентологии, ряд исследований по вопросам глагольного вида и времени и т. п.). Ценный материал для балтийского языкознания содержится в последней монографии чл.-корр. АН СССР Я. М. Эндзелина по латышской топонимике. Возрос интерес к изучению таких языков, как клинописный хеттский (труды проф. Г. А. Капанцяна, Г. В. Гамкрелидзе и др.), тохарский.

Развертывается работа по этимологии и сравнительно-исторической лексикологии индоевропейских языков (иранских, славянских, германских). Обсуждаются проблемы сравнительно-исторического синтаксиса применительно к разным семьям языков. Углубилась и расширилась сфера сравнительно-исторического исследования финно-угорских языков после важных по значению и широким по охвату трудов Д. В. Бубриха [ср. его очерки исторических грамматик удмуртского, эрзянского, финского (суоми) языков]. Все более усиливается подготовка к созданию сравнительно-исторической лексикологии и грамматики тюркских языков. Возрастает интенсивность изучения в сравнительном плане монгольских языков (см., например, «Сравнительно-историческую грамматику монгольских языков» проф. Г. Д. Санжеева). Исследуются в сравнительно-историческом плане картвельские языки, и созданы предпосылки для создания их сравнительно-исторической грамматики. Успешно ведется сравнительное изучение других групп кавказских языков.

Таким образом, хотя после лингвистической дискуссии 1950 г. еще не достигнуто очень значительных и во всяком случае желаемых результатов в сфере сравнительно-исторической лингвистики, но наметился явный и очень резкий перелом в отношении к этому важному направлению. Естественно, что описательное изучение языков, углубленное новыми методическими приемами и теоретическими принципами, у нас преобладает.

Для такого рода исследований после Великой Октябрьской революции были подготовлены научно-лингвистические кадры из среды всех народ-

ностей СССР. В союзных и автономных республиках возникли новые научно-лингвистические центры (Тбилиси, Ереван, Баку, Ташкент, Алма-Ата, Якутск, Махачкала, Сыктывкар и др.).

9

Характерной чертой советского языкознания является глубокая и тесная связь его с другими науками, конечно, прежде всего — с общественными, но отчасти и с науками математического, естественно-научного и технического циклов. Советское языкознание не обособляется от филологии в широком смысле этого слова, но опирается на все достижения филологии и само содействует им. Связь с марксистским литературоведением особенно наглядно наблюдается в исследованиях по истории литературного языка, по стилистике языка художественной литературы и народно-поэтического творчества. В общем понимании закономерностей исторического процесса языкового движения и в конкретных изучениях историй отдельных языков советское языкознание пользуется в качестве своей базы марксистской теорией исторического развития общественных явлений и, следовательно, неразрывно связано с историей и марксистско-ленинской социологией, с археологией и этнографией.

Одной из проблем, постоянно стоявших в центре внимания советских лингвистов, является вопрос о связи языка и мышления. Применительно к древнейшему периоду эту проблему пробовал решить акад. Н. Я. Марр, использовавший наблюдения Кассирера, Леви Брюля и других зарубежных этнографов и лингвистов. В том же направлении шло исследование этой проблемы в работах В. И. Абаева. В исследованиях А. П. Рифтина и С. Д. Кацнельсона сказывается заметное влияние книги А. Sommerfeldta «Язык и общество». Спорность, а нередко и ошибочность этих теорий, касавшихся главным образом архаичных периодов развития языка и мышления, очевидна. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены прежде всего по линии собирания новых этнографических и лингвистических данных, относящихся к племенам, наименее развитым в социально-экономическом и культурном отношении. Вместе с тем необходимо признать совершенно неоправданными поспешные обобщения, сделанные на основании этих наблюдений и перенесенные на языки, развивавшиеся в других исторических условиях.

Для решения вопроса о связи языка и мышления много сделали советские психологи, работавшие в тесном контакте с лингвистами. Большую роль в 30—40-е годы сыграла работа Л. С. Выготского «Мышление и речь», переизданная в 1956 г. Следует отметить также соприкасавшиеся с проблемами языкознания исследования проф. С. Л. Рубинштейна и проф. А. Р. Лурия (например, изданное в минувшем году исследование А. Р. Лурия о развитии речи у близнецов, труд о травматических афазиях и статья о графических афазиях). Ценность экспериментальных работ этого рода свидетельствует о плодотворности сотрудничества лингвистов с представителями других наук (ср. опыт работы Щербы в области языка глухонемых).

В связи с вопросом о сотрудничестве лингвистов с представителями других наук и в связи с проблемой прикладной лингвистики следует отметить значение давно уже установленного контакта фонетистов — учеников Щербы с работниками связи (см. статью Л. Р. Зиндера в данном номере журнала). Благодаря этому контакту был выполнен ряд исследований по лингвистической статистике. Развитие математической лингвистики в нашей стране за последние годы было связано с работой над машинным переводом и над информационными машинами. Впрочем здесь мы стоим лишь на пороге самостоятельных исследований как конкретного, так и теоретического характера.

Напряженная и разносторонняя деятельность советских языковедов протекала в сложной и противоречивой обстановке действия двух методологических систем. Одна из этих систем — важнейшая — шла из марксизма как общей методологии общественных наук; вторая — из различных методологических направлений, проникших в наше языкознание из других философских систем. В первое время после революции наиболее влиятельными из этих направлений были: психологическое (идущее от школы Бодуэна де Куртенэ), социологическое (идущее от школы Соссюра и Мейе) и эстетическое (идущее отчасти от разветвлений потебнианства, отчасти от эстетики символизма и футуризма, отчасти от школы Б. Кроче).

Основной чертой лингвистических исследований послеоктябрьского времени является обостренное внимание к проблеме «Язык и общество» (ср. статьи и книги Р. О. Шор, М. Н. Петерсона, Е. Д. Поливанова, работы Н. Я. Марра и его школы и др.). В постановке и решении проблемы речевого общения лингвистические труды этого времени предвосхищают тот интерес к вопросам языковой коммуникации, который в зарубежной науке возникает лишь в самые последние годы — в связи с развитием теории информации¹.

Главные усилия советских языковедов — из числа тех, кто видел ограниченность старых направлений, сосредоточились на выработке таких общих положений науки о языке, которые могли бы с наибольшей полнотой выявить существо языка и природу языковых явлений. Опираясь в этой работе советские языковеды стали видеть в марксистском положении о материальной основе общественного бытия и в положении о борьбе классов, как содержании и движущей силе исторического процесса в период классового общества.

На этой основе сформулировались две важнейшие линии советского материалистического языкознания первых десятилетий после революции: изучение языка в связи с материальной культурой и изучение языка в аспекте классовой борьбы. Обе указанные линии наиболее отчетливое выражение получили в работах Н. Я. Марра и его последователей. В этих работах проявилось и то успешное и плодотворное, что такие направления исследования могли дать, и то ошибочное и искусственное, что они с собою несли.

Изучение языка в тесной связи с материальной культурой сильнейшим образом повысило значение данных языка для раскрытия истории материальной культуры древнейших эпох жизни человечества и позволило с гораздо большей полнотой и ясностью оценить памятники этой культуры.

В связи с этим возникшая еще в рамках сравнительно-исторического изучения существующих и исторически прослеживаемых языков гипотеза особой языковой семьи — яфетической — переросла в концепцию о яфетической стадии в истории развития языков вообще, а в дальнейшем — в антиисторическое учение о стадийном развитии языков вообще. Такой поворот имел некоторые положительные и — в большей степени — отрицательные следствия.

Положительным следствием было чрезвычайное расширение орбиты изучаемых языков, включение в нее древнейших языков Передней Азии. Плодотворность такого включения выявилась в последующей истории языкознания — в обращении многих ученых, шедших по своим путям, к изучению древних языков Закавказья и Передней Азии (в работах акад.

¹ В этом отношении представляет интерес высокая оценка таких исследований, как труд Л. П. Якубинского о диалогической речи, в монографии Дж. Спринджера, изданной Массачусетским технологическим институтом (G. P. Springer, *Early Soviet theories in communication*, Cambridge, Mass., 1956).

И. И. Мещанинова, чл.-корр. АН СССР Г. В. Церетели) в их сопоставлении, что уже привело к большим научным результатам (ср. также описательную грамматику урартского языка Г. А. Меликишвили).

Отрицательным следствием было создание на основе учения о стадиях концепции единства глоттогонического процесса, приведшей к антиисторическому, произвольному сближению фактов отдельных языков — как в действующем состоянии этих языков, так и в их прошлом — без опоры на реальный исторический материал, с игнорированием конкретной исторической этимологии. Это привело к ошибочным толкованиям многих важных фактов, к множеству ложных и мнимых «обобщений» и толкало языковедов на путь абстрактных построений.

Изучение языков в аспекте борьбы классов чрезвычайно повысило внимание к фактам языка, отражавшим общественную жизнь, позволило с большей полнотой и конкретностью понять социальную природу языка. На этой почве возникшее еще раньше и развивавшееся по своим путям в зарубежном языкознании социологическое направление у нас вылилось в ошибочную концепцию языка как надстроечной категории.

Положительным следствием развития социологического исследования языка было расширение круга языковых фактов, изучаемых в социальном аспекте. Плодотворность такого расширения выявилась: а) в более отчетливом определении разных типов социальных диалектов; б) в постановке вопроса об общем языке в условиях действия широко развитых местных диалектов; в) в приходе к новому — строго историческому — пониманию явления, именуемого национальным языком, пониманию, приведшему в дальнейшем к гипотезе о движении языка от состояния, характерного для языка племени, к состоянию, характерному для языка народности, и в дальнейшем — к языку нации; г) в новой — исторической — трактовке явления, именуемого «литературным языком», и в расширении его проблематики.

Отрицательным следствием отношения к языку как надстроечной категории было создание концепции классового характера языка. Эта концепция привела к стремлению оценивать явления языка в том же аспекте, как и явления, характеризующие правовые, политические, этические, эстетические и философские системы. Те же явления борьбы различных идеологических концепций, какие наблюдаются в праве, политике, этике, эстетике и философии, стали искать непосредственно в самом языковом материале как таковом. Это приводило к искусственному толкованию ряда языковых фактов и отвлекало языковедов от понимания природы языка как общественного явления, не входящего ни в базис, ни в надстройку. Сложилось искаженное понимание семантического развития языка, семантика языка смешивалась с идеологией, мышление — с мировоззрением.

В дискуссии 1950 г. по вопросам марксизма в языкознании И. В. Сталин убедительно показал неправильность концепции языка как надстроечной категории. С тех пор понимание языка как общественного явления *sui generis* вместе с положением о языке как практическом действенном сознании и с положением о языке как орудии развития и борьбы и стали основными теоретическими и методологическими принципами советского языкознания. Первое положение определяет пути изучения природы языка и его функций, второе — пути изучения соотношения языка и мышления, а также языка как средства выражения, третье — пути изучения конкретной истории языков.

Теоретические и методологические основы советского языкознания сделали его особым направлением в составе мировой науки о языке и определили своеобразие его содержания. Поэтому всякое сопоставление

советского языкознания с другими направлениями мировой лингвистической мысли не может производиться без учета различия в принципиальных и методологических основах лингвистического исследования. Такое сопоставление не может производиться и без учета конкретной истории языкознания в нашей стране за последнее полувековье. Эта история поучительна и знаменательна сама по себе: она наглядно — на живом опыте науки в огромной стране — показывает, как тесно само направление лингвистической мысли, стимулирующее выход на первый план тех или иных конкретных задач, было связано с историей советского общества — многонационального по своему составу, общества, строящего социализм: какое первостепенно важное значение имел развертывавшийся в самой конкретной лингвистической работе и сопутствовавший ей сложный и трудный, но совершенно необходимый процесс выработки новых теоретических и методологических основ самой науки о языке.
